

В толпе вскрикнули, но большинству уже было не до того — волны стали захлестывать палубу, и я крепко впелся в какой-то крюк у рулевой рубки. Многие с оглаженным звуком блевали, лица были солони и блестящи от брызг и от слез — две субстанции, почти однородные, там перемешались, и надо всем господствовал ветер, нанося неисчислимые раны судну, смывая и выдувая все на своем пути. Недалеке я заметил толстозубого, он что-то грозное рек, глядя на море, держась рукою за прибортовой поручень; в другой руке его была бутылка, из которой он то и дело отхлебывал. Наконец, его мягко поддело волною и унесло за борт; он покоился на влекущей его волне, как на диване, и лицо у него было дурацкое.

Потом под мелькнувшим лучом прожектора я увидел рыжего оратора: он бежал, приготовив руки для ныряния, слопив их лодочкой, и, когда борт занесся над волнами, он, опираясь на красивую дугу, полетел в самую гущу морской пены. Видимо, у корабля остановились двигатели, потому что нас стало бросать еще безобразнее, и, когда подлетевшая волна ударила меня в подбородок и задрала голову, я увидел над собою бывшего подсудимого, вцепившегося в поручни, в прежней позе; лицо его искажало злоба. И тут особенно сильный порыв ветра сорвал сверху прожектор, он упал, горя, и со звоном разбился о палубу; тонущий корабль потонул, и что-то летело...

Жена Лота

- Ты обернешься... — Нет.
— Ты обернешься! — Нет!
— И в городе своем
Увидишь яркий свет,
Почуешь едкий дым —
Пылает огчий дом!
О, горе вам, сады —
Гоморра и Содом!
— Не обернись! Святым
Дано — соблазн бороться.
По рекам золотым
Несет меня господь!
— По рекам золотым
Несет тебя господь,
А там орет сквозь дым
Обугленная плоть...
— О чем ручьи поют?
— Там пепел и зола!
Над ангелом встают
Два огненных крыла!
— Они виновны. — Так.
— Они преступны! — Так!
На грешной нагоде
Огня расправлен знак!
Ребенок на бегу —
Багровая звезда...
Ты плачешь?
— Не могу...
Всем поворотом: — Да!
— Да!

* * *

Медногубая музыка осени. Бас-геликон
Кружит медленным небом. И, колеблем, осыпан листвою,
Проплывает военный оркестр в мокром воздухе по-над

землею,

Чуть повыше дождя занесен, накретен.

Скажет музыка «оо-о», и отступит фонтанов вода.

Так застыли тритоны, что губы у них леденеют —

Не сомкнуть, не ответить оркестру. Он медленно реет,
Медью призрачной греет.

Дрожит за плечами слюда.

Что ж, российский Версаль? Нам достались из той

стороны

Этот нарк щегольской да надрывное слово «блокада»,

И не кроны деревьев — голодные ребра войны,

Не золоты арфы, а песня смертей и надеда...

Сеет дождик — и плачу. И с криком летит «метсор»

Вдоль оставленных парков. Деловито спешат экскурсанты

Мимо братской могилы фонтанов, каскадов, озер,

Мимо музыки — вниз головой —

растворенных дождем оркестрантов.

* * *

Загляделась я в польнюю.

На невнятную жизнь мою

По воде неясной гадаю.

Закраснелась вода, зажглась —

Это облако, отразясь,

Занебесным коснулось краем...

* * *

Век можно провести, читая Геродота:

То скифы персов бьют, то персы жгут кого-го,

Но выцветает кровь. В истории твоей

Оливы шум, крестьянский запах пота.

Мельчает греков грубая семья,

Спешит ладья военная в Египет...

100

Мы горечи чужой не можем выпить,
Нам только имена, как стерни от жнивья,
А посох в те края на камне выбит.

И где она — земля лидийских гордецов,
Золотоносных рек и золотых полотен,
Где мир в зародыше, где он еще так плотен,
Где в небе ходит кровь сожженных городов,
Где человек жесток, и паг, и беззаботен...

* * *

Дрожат и плещут за окном

Тяжелые поля пшеницы,

Покажется — она дымится...

Дождь, как стена, к земле крестится,

Полнеба заливает гром,

Ни птицы в воздухе гьром,

И мертвая сосна смолится.

Судак

I

Странный пейзаж открывается разуму духом узящим:
редкий бесцветный кустарник и камень горячий...

Нет, это снег рождества, белые кровли,

дольный дымок слюдяной, стадо под кровом.

Жирной разводы воды под коромыслом,

бледное масло горит в воздухе чистом.

В иглах, цветах ледяных — лба полукружье

детского — через стекло вижу снаружи...

Клавдию голос зовет, и отзовется

звонкий подойник в хлеву, цепь у колодца.

II

Темное, темное тянем питье из остуженной чаши,

полночи ясный светильник стоит над водою.

Радость не вспугнула, тело еще молодое...

Как прохрустят голыши и песок прошумит по поддону,

если очнуться, вскопнуть, если выкрикнуть «наши!».

Я начинаю движенем губ превращенье созвездий

в шпигу знаками шерсть, письма золотые, —

101

Аркадий Илин

Из цикла «Эпохи и стили»

Фламандцы

Мясник, ласкающий на брюхе
свое величье и покой,
молочник с бледностью старухи
и мельник с толстою женой,
детшек вскормленное стадо —
томится сытые тела
в тени ухоженного сада,
в плену у щедрого стола.

Плоды покоятся на блюде,
уста лениво шевелят
и в затрапезном пересуде
вершат языческий обряд

мясник, ласкающий на брюхе
свое величье и покой,
молочник с бледностью старухи
и мельник с толстою женой.

ГОЛЛАНДИЯ. XVII ВЕК

Л. Корсавиной

Художник пишет по утрам картины,
сев за мольберт, откинув край гардины.
Модели оживут на полотне,
и, обернувшись, дама скажет мне:

— Еще есть время в зеркало взглядеться,
читать письмо у светлого окна,
когда покоем комната полна,
и хочется нарядно приодеться.

Еще есть время дворик свой прибрать
и вышивать старательно узоры,
бросать на улочку задумчивые взоры,
бокал с вином от друга принимать.

и, запрокинув лицо, напрягая затылок,
ты разбираешь по ним отдаленные вести
из прокаленной земли полуострова-чаши,
из черепичного рая, пыльного сада...
Неисчислимы, длинные очи следят винограда,
как поужаает листва, осыпая ограду,
как зарумянятся слива от долгого взгляда.

III

Теплый, тройного замеса воздух, и свет золотеет.
Сбился туман, разворошенный солнечной спицей.
Из Феодосии-Кафы тянется сонная птица,
пристально, умно глядит, а сказать не умеет.

Или душа караима в пестрой повязке?
Или еще гетуэзским стеклом отольет оперенье?
Горного воздуха инзки, пухлого облака связка,
благоуханне детской беседы вечерней...